

УДК 821-84

ИНОРОДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ИДЕОЛОГИИ ЧЕРНОЙ СОТНИ

Размолодин Максим Львович
к.и.н.
УФСБ РФ по Ярославской области, Ярославль, Россия

В статье рассматриваются базовые подходы черной сотни к инородческой проблематике. Исходя из консервативной сущности крайне правой идеологии, деление крайне правыми национальных меньшинств на дружественные и враждебные определялась не этническим происхождением, а способностью последних поступиться узкими национальными интересами ради достижения общегосударственных задач, поддержкой единства и неделимости империи, лояльностью властям и противодействию революционному движению. Данный подход обусловил интернациональный характер черносотенного движения

Ключевые слова: ЧЕРНАЯ СОТНЯ, КРАЙНЕ ПРАВАЯ ИДЕОЛОГИЯ, НАЦИОНАЛЬНЫЕ МЕНЬШИНСТВА, ПРАВОСЛАВИЕ, КОНСЕРВАТИЗМ, БАЗОВЫЕ ЦЕННОСТИ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

UDK 821-84

NATIONAL MINORITY PROBLEMS IN THE BLACK HUNDRED'S IDEOLOGY

Razmolodin Maxim Lvovich
Cand.Hist.Sci.
Yaroslavl Department of the Federal Security Service, Yaroslavl, Russia

The article covers Black hundred's basic approaches to the national minority problems. Starting from conservative foundation of extreme-right doctrine, the Black Hundred divided national minorities into friendly and hostile. Belonging to the friendly peoples determined not by ethnic origin, but by acceptance of basic values of Russian civilization - Orthodoxy, autocracy, nationality. This approach caused international nature of the right-monarchical movement

Keywords: BLACK HUNDRED, EXTREME RIGHT IDEOLOGY, NATIONAL MINORITY, ORTHODOXY, CONSERVATISM, BASIC VALUES OF RUSSIAN CIVILIZATION

Задача сохранения империи и защиты национальной традиции определила базовые подходы черносотенцев к инородческой проблематике. В отличие от националистов, руководствовавшихся идеями этнической чистоты, а потому с подозрительностью относившихся к любому инородческому влиянию, крайне правые предложили принцип дифференцированного подхода посредством деления национальных меньшинств на дружественные и враждебные. Изначальный посыл черной сотни при подходе к инородческой проблематике состоял в том, что ни один из населяющих Россию народов кроме евреев не рассматривался вековечным и кровным противником русского народа. На страницах «Русского знамени» председатель СРН А.И.Дубровин заявлял: «Наша тысячелетняя история красноречиво свидетельствует, что мы никогда не смотрели и не смотрим на другие племена как на вечных своих врагов и соперников» [1]. В общем виде принцип дифференцированного подхода

был сформулирован состоявшимся в апреле 1907 года в Москве IV Всероссийским съездом Объединенного русского народа: «Руководящие начала политики как в отношении окраин, так и в отношении иноплеменных обывателей империи должны быть неизменными, но частности разрешения племенных и окраинных вопросов не могут быть везде однообразными. При определении прав отдельных народностей необходимо сообразовываться с готовностью каждой из них служить России и русскому народу в достижении общегосударственных задач» [2]. Отношение к державному народу, а следовательно, и базовым принципам русской цивилизации, устанавливало основу для деления инородцев на дружественных и враждебных.

Еще в ноябре 1905 года Русское Собрание в распространенном обращении дало характерные признаки дружественности, которые определялись как способность поступиться узкими национальными интересами ради достижения общегосударственных задач, поддержка единства и неделимости империи, лояльность властям и противодействие революционному движению [3]. В апреле 1906 года слово в слово данная формулировка встречается в платформе СРН по выборам в I Государственную думу, а затем и в программных документах большинства черносотенных союзов и организаций. Таким образом, к дружественным относились народы, сумевшие преодолеть узкий национальный эгоизм и выросшие до понимания общеимперских интересов и своей роли во внутригосударственном разделении обязанностей. Гибкость данного подхода позволяла крайне правым привлекать инородцев на службу русским национально-государственным интересам, в том числе и в черносотенное движение. Хотя проблема участия в дореволюционном право-монархическом движении инородцев изучена еще достаточно слабо, тем не менее накопленные и уже введенные в научный оборот факты позволяют утверждать, что по составу участников черносотенное движение

носило не только многонациональный, но в определенной степени и многоконфессиональный характер.

Фактором, способствовавшим привлечению инородцев в лагерь защитников традиционных устоев, являлась базовая установка крайне правых по признанию истинно русским не по расово-этнической (как у националистов), а по политической принадлежности. В глазах черносотенцев сынами России признавались не только православно верующие русские, преданные царю и отечеству, но также и представители других народов, которые сумели подчинить свои отдельные интересы, племенные и вероисповедные общим интересами Российского государства [4]. Выдвигая тезис о дружественных инородцах, черносотенцы не могли отрицать очевидного вклада национальных меньшинств в государственное строительство Российской империи и их позитивную роль в жизни русского народа. Исторические факты свидетельствовали, что инородцы бок о бок с русским народом участвовали в создании мощного Российского государства, принеся на его алтарь многочисленные жертвы. В частности, среди татарского, а также башкирского населения в начале XX века были достаточно сильны консервативно-государственнические настроения, подразумевавшие под собой, в числе прочего, верность присяге, принесенной их предками на Коране русским самодержцам, и вполне искреннее восприятие себя в качестве исторического «соавтора» Российского государства.

Защита универсальных консервативных ценностей, сохранение традиционного социального строя и общественных устоев, отстаивание единой и неделимой России как общего Отечества, неприятие либерализма и секуляризма, низвергавших религиозные учреждения с приоритетного положения в ранг рядовых «общественных образований», антисемитизм становились прочной основой для единения русских и инородческих охранительных кругов, к которым относились как высшие слои общества,

так и низы. Революция несла угрозу не только первенствующему положению РПЦ, но и религиозной традиции инородцев, служившей фундаментом социального строя на окраинах. Брошенный черносотенцами в массы лозунг защиты сложившегося положения вещей нашел отклик у определенной части российских мусульман, среди которых особо выделялись татары и башкиры. Триединная формула «Православие, самодержавие, народность» скрывала универсальные консервативные ценности, которые сторонники традиции из числа национальных меньшинств сумели распознать. Мусульманское духовенство понимало, что с падением православия и утверждением либерального секуляризма или марксистского атеизма неизбежно наступит очередь потери позиций и ислама. Идеологи черносотенного движения учитывали эти настроения, демонстрируя мусульманам особую «благосклонность», что было зафиксировано в программных установках их организаций. Чтобы снять излишнее раздражение у мусульманского населения, они предлагали интерпретировать лозунг «Православие, самодержавие, народность» как отстаивание «сильного государства», защищающего традиционные религии.

К дружественным инородцам относилось мусульманское население Поволжья, Средней Азии и Сибири. В силу своей консервативной сущности ислам являлся традиционной опорой самодержавия в государственном строительстве империи, способствуя преодолению среди инородцев национального эгоизма и возвышая их самосознание до общеимперских масштабов. Проявляя к политике Петербурга лояльность и поддержку, ислам формировал среди мусульман идеологическую основу для следования в фарватере общей политики государства. Эту черту подметил один из видных казанских черносотенцев Р.В.Ризположенский, который в докладе на состоявшемся в ноябре 1906 года заседании Казанского отдела Русского Собрания заявил о наличии в исламе «глубоко заложенных основ

государственности» [5, с.8-9.]. Революция предоставила исламскому духовенству повод подтвердить верность российской государственности. В октябрьские дни 1905 года они проповедовали в массах: «Мусульмане, кругом идет смута. Участие в этой смуте есть деяние против ислама, остерегайтесь» [6, с.226.]. Поддержка исламскими идеологами русского консервативного лагеря подчеркивалась и советской историографией. В частности, в изданной книге с говорящим названием «Контрреволюция в рясах и чалмах в 1905 г. в Казанской губернии» приводился текст молитвы «за царя и царствующий дом», составленный «преподавателем магометанского вероучения Казанской учительской школы Т.Г.Яхьиным» [7, с. 36 - 39].

Разность черносотенной и националистической доктрин проявилась в отношении народов к враждебным или дружественным. Если в вопросе причисления евреев, грузин, армян, поляков, финнов, а с началом Первой мировой войны и немцев, Всероссийский национальный союз (ВНС) и черная сотня проявляли единодушие, то в отношении к татарам они принципиально разошлись. Если черносотенцы признавали татар как наиболее дружественный народ, то лидер ВНС М.О.Меньшиков предупреждал о «татарской угрозе», об «антигосударственном, враждебном России подъеме русского ислама» [8, с.24.]. Учитывая серьезный консервативный настрой татарского населения, руководство Союза русского народа планировало создать Мусульманский союз русского народа из казанских татар. В декабре 1908 года было зарегистрировано Царско-народное мусульманское общество, которое на момент открытия имело 18 отделов в Казанской губернии с общей численностью более 240 человек.

Враждебность инородцев определялась сообразно представляемым ими угрозам христианской и национальной традиции. Критерием здесь выступала степень их участия в революционном и национально-

освободительном (или сепаратистском, как это понимали черносотенцы) движении, подрыве первенства русского народа, проявлявшихся в формах засилья и закабаления. Борьба национальных меньшинств за равноправие рассматривалась как покушение на «законные права русских людей» и попытка оттеснить русский народ от подобающего ему места народа-хозяина [9]. В концентрированном виде претензии к враждебным инородцам были сформулированы в утвержденной в апреле 1907 года программе Союза русских рабочих людей: «Цель их заключается - посредством ослабления веры православной, умаления или даже окончательного уничтожения царской власти на Руси и дарования большей или даже полной свободы в управлении одним инородцам и равноправия другим - унижить русский народ, особенно трудящиеся его классы, и утвердить над ним господство, - политическое и экономическое, инородцев, в особенности евреев» [10].

Крайне правые осознавали, что отнесение целых наций в разряд враждебных, в зависимости от активности их представителей в национально-освободительном или революционном движении, едва ли можно считать дальновидным. Среди любого из населяющих Россию народов лояльных властям подданных было больше, чем непримиримых революционеров и сепаратистов. Возложение ответственности на всю нацию за подрыв устоев лишь отторгал инородцев от русской государственности и угрожал единству империи. Отказываясь видеть причины сепаратизма в объективных процессах, происходящих на национальных окраинах (рост национального самосознания, развитие экономики, культуры и т.д.), черносотенцы возлагали вину за мятежи на инородческие элиты, пытавшиеся воспользоваться благоприятной политической конъюнктурой для освобождения от опеки Петербурга и утверждения своей безраздельной власти в регионах: «... инородческая интеллигенция ... всегда стремится расчленивать страну, так как

расчленивши государство, им легче удержать в своих руках власть в данной местности и возможность широко пользоваться трудом народа в свою пользу» [11]. Здесь стремления инородческих верхов и низов не совпадали. Если на западных рубежах страны организатором раздора становилась ущемленная в правах русофобски и националистически настроенная шляхта, стремившаяся к самостоятельности, то польский народ желал остаться в составе империи [12]. Черносотенная пресса указывала, что наибольшими противниками слияния с коренной Россией Финляндии, Прибалтики и Привисленского края выступали местные помещики (шведы, немцы, поляки), инородческая интеллигенция и неправославное духовенство [13]. Таким образом, враждебность являлась характеристикой не народа, а его элиты. Иными словами, было бы верным говорить о том, что под термином «враждебный инородец» следует понимать «враждебная элита» данного народа, а не весь народ. Данная трактовка не относилась к евреям, которые вне зависимости от своего статуса определялись как непримиримые противники русского народа и государства.

В документах черносотенных организаций неоднократно приводился список конкретных народов, отнесенных к разряду враждебных. «Россия должна быть настороже не только против соседей, но и против таких подданных, как финляндцы, поляки, латыши, армяне, а также обитателей Кавказа», – говорилось в Программе Союза Михаила Архангела [14]. Из всех населяющих Россию народов к наиболее враждебным причислялись евреи, в которых в гипертрофированной форме сконцентрировались все присущие прочим враждебным инородцам пороки. Значимость еврейской темы для черносотенной идеологии объясняется крайне негативной ролью, приписываемой «беспокойному племени» в судьбе Российского государства. Для крайне правых негативное отношение к евреям базировалось на консервативном постулате защите христианской и национальной традиции, а не на проникавших с Запада различных

расистских псевдонаучных концепциях. В избирательной программе на выборах во II Государственную думу, принятой I Всероссийским съездом уполномоченных отделов СРН, утверждалось: «Евреи в течение многих лет, и особенно в последние два года, вполне выказали непримиримую ненависть к России и ко всему русскому, свое невероятное человеконенавистничество, свою полную отчужденность от других народностей и свои особые иудейские воззрения, которые под ближним разумеют одного только еврея, а в отношении христиан-гоев допускают всякие беззакония и насилия, до убийства включительно» [15]. В попытках обосновать свою антисемитскую позицию черносотенцы ссылались на документы, вышедшие из-под рук заклятых врагов: «Как известно и как заявляли неоднократно сами евреи в своих «манифестах» и прокламациях, - переживаемая нами смута и вообще революционное движение в России - с ежедневными убийствами десятков верных долгу и присяге честных слуг царя и Родины, - все это дело рук почти исключительно евреев и ведется на еврейские деньги» [16]. Данные цитаты показывают, что, по мнению черносотенцев, евреи принимали участие в организации и финансировании большинства революционных и оппозиционных партий. Давая еврейскому народу определение как «самому опасному врагу» самодержавия [17], черносотенная идеология уделяла гипертрофированное внимание еврейской теме, рассматривая актуальные национально-государственные проблемы через призму «иудейского заговора».

Несмотря на то, что антисемитизм занимал значительное место в программах крайне правых партий, основания для отождествления их взглядов с русскими националистами (в т.ч. фашистами) отсутствуют. Действительно, черносотенные союзы и ВНС объединял исключительно отрицательный взгляд на евреев как единственную на земле этнорелигиозную группу (секту), вносящую нестроения в среду приютивших их народов. Разность двух доктрин проявлялась в трактовке

причин антисемитизма. Если националисты без критического анализа пошли на поводу у западных идеологов расизма (Ж.А.Гобино, Г.С.Чемберлен, В.Дарре), то черносотенцы остались верны религиозной традиции, согласно которой специфика народов определялась не физиологическими признаками, но религиями, формировавшими их духовный стержень, мировоззрение, смысл земного существования, а также поведение и этику отношения к окружающим [18]. Именно иудаизм, а не состав крови, по мнению крайне правых, стал источником негативных качеств евреев, приводя к напряжению с коренным населением в политической, экономической и иных областях. Исходя из этого взгляда, черносотенная публицистика делила народы на так называемые идеальные и материальные [19]. К первым относились христианские народы, для которых высшим воплощением «идеализма» (терминология сохранена - М.Р.) был Бого-человек Иисус Христос. Им противостояли так называемые материальные народы, характерной чертой которых являлся рационализм. Тысячелетиями иудаизм формировал народ, который в силу своего рационализма не обладал развитым воображением, из-за чего испытывал трудности с восприятием христианских символов (Троица, Животворящий Крест, «царствие не от мира сего» и т.д.) [20]. Христианскому «идеализму» с его верой в эфемерные понятия добра, милосердия и любви к ближнему противопоставлялось слепое соблюдение «закона» во всех деталях ради практической выгоды. Еврейскому Богу - «богу мщениия и войны» противостоял христианский Бог - «бог любви и мира». По этой причине евреи не могли по-христиански воспринимать окружающих как «братьев», но лишь как объект для паразитирования.

По мнению черносотенцев, необходимость защиты национальной традиции обуславливалась революционностью евреев, предпринявших атаку на созданное «потом и кровью» русского народа государство и его вековой социальный уклад. Если либералы и марксисты находили причины

революционности евреев в социальных условиях жизни последних, то для черносотенцев они лежали в религиозной плоскости. Революция 1905-1907 годов казалась взрывом сатанинских сил против Богом установленного на земле порядка. Идеологи крайне правых доказывали, что иудейская этика, заставлявшая евреев постоянно «переделывать» жизнь на земле (в том числе и посредством революций), в корне противоречила христианским принципам терпения и покорности. Мнение крайне правого лагеря о том, что евреи являлись истинными и главными виновниками революционной смуты, разделяли многие, в том числе высшие сановники и министры.

Действительно, 5-миллионное еврейское население Российской империи (свыше половины всех евреев мира) заняло совершенно исключительное место в черносотенной идеологии. Масштаб антисемитизма крайне правых определялся масштабом проблем, которые, по их мнению, создавали евреи для православной России и социального уклада всего человечества. Острие своей критики они направили на «жидовство» или «талмудическое жидовство», рассматривавшееся как враждебное христианско-православной и русской национальной традиции. Неприятие «жидовства» зиждилось на религиозно-политической, а не этнической почве. «Еврей как особь может быть признан равным другим человеческим особям, но как религиозная секта, основанная на человеконенавистническом талмуде, является опасным для блага человечества», - заявляла черносотенная пресса [21]. «Жидовство» символизировало собой все органически чуждое христианской природе и воспринималось как «ад по отношению к раю, что сатана по отношению к Господу нашему Иисусу Христу» [22]. Данное понятие имело и политическое измерение, будучи связано с представлением о «всемирном еврейском заговоре», в котором еврейский капиталист и еврей-революционер делали общее дело по разрушению традиционных укладов жизни христианских народов.

Таким образом, в отличие от русских националистов (в т.ч. фашистов) негативное отношение к некоторым инородцам у черносотенцев не носило расового характера, а основывался на религиозных, политических и экономических факторах. Исходя из консервативной сущности крайне правой идеологии, позиция крайне правых к национальным меньшинствам определялась не этническим происхождением, а отношением последних к базовым ценностям русской цивилизации – православию, самодержавию, народности и способностью поступиться узкими национальными интересами ради достижения общегосударственных задач.

Библиографические ссылки:

1. Русское знамя. 1907. 10 июня.
2. ГАРФ. Ф.116. Оп.2. Д.1. Л.101.
3. Там же. Ф.588 (Б.В.Никольский). Оп.1. Д.1265. Л.16.
4. Прямой путь. СПб. 1912. Вып.V (май).
5. Ризположенский Р. По вопросу о выборах в Государственную Думу. За единение с Союзом Русского Народа. Казань: Типо-литография И.С.Перова, 1906. С. 8-9.
6. Ибрагимов Г. Татары в революции 1905 года. Казань: Государственное издательство ТССР, 1926. С. 226.
7. Людмилиин А.С. Контрреволюция в рясах и чалмах в 1905 г. в Казанской губернии. Казань: Татиздат, 1931. С. 36 - 39.
8. Меньшиков М. О. Письма к русской нации / Вступ. ст. и примеч. М. Б. Смолина. М.: Москва, 2000. С.24.
9. Вестник Русского Собрания. 1906. 1 декабря.
10. ГОПБ. ОКР. Кор.46/2. N381/33.
11. Русское знамя. 1908. 22 июля.
12. Там же. 1907. 28 апреля.
13. Там же. 1908. 22 июля.
14. ГАРФ. Ф.116. Оп.2. Д.1. Л.678.
15. Там же. Л.675.
16. Там же.
17. Там же. Ф.102. ДП ОО. 1906. II отд. Д.833. Л.31.
18. Русское знамя. 1907. 8 марта.
19. Там же. 1908. 19 августа.
20. Там же. 1907. 8 марта.
21. Там же. 18 января.
22. Там же. 1912. 19 сентября.